5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 38 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ОКТЯБРЬ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

Рис. А. Ридакова

ФОШисты

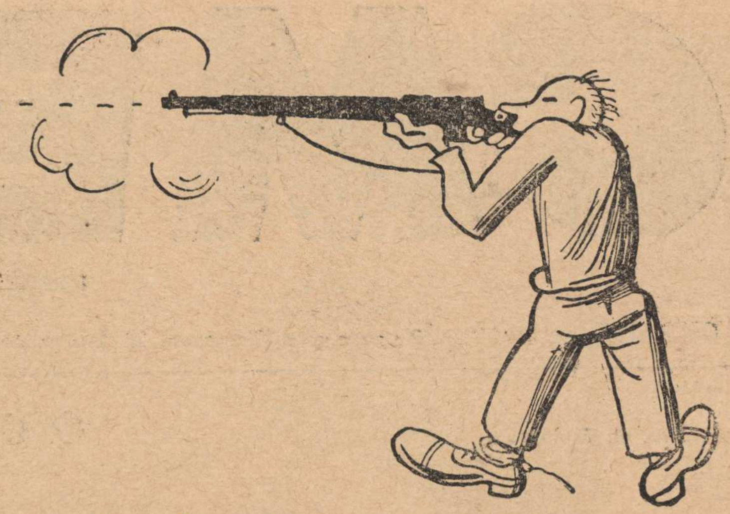

1-ый ФРАНЦУЗСКИЙ ГЕНЕРАЛ: — Немцы просят очистить Рейнскую область.
2-ой ФРАНЦУЗСКИЙ ГЕНЕРАЛ: — Как? Разве мы там еще что-нибудь оставили?

Рис. Б. Малаховского

Цель, которую каждый должен поставить себе на ближайшее время.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАЛАЧ

ПРОШЛА жестокая пора.
Век изменил его породу:
Он даже в руки топора
Не брал, как следует, от роду.
Веревка... Кровь... Какой кошмар.
(И сморщит нос, и сдвинет брови)
Он за убийство гонорар
Берет, не проливая крови.
Затянут в строгий черный фрак,
Столь подобающий моменту,
Подходит к смертнику он так,
Как врач подходит к пациенту.
Ни суеты, ни фальши нет
В его изысканном подходе:
Войдет к „больному" в кабинет
И первым долгом — о погоде.
А после, кашляя в платок,
Как будто вскользь едва промямлет:
— Сейчас, как раз отличный ток,
Так... не воспользоваться нам ли?
Мол, не присядете ль сюда?—
(Приятный голос дышет лаской),
Свет беспокоит? — Не беда:
Мы вам глаза прикроем маской.
Не утруждайте головы...
Хотите — можно валерьянки...
Ну вот. Представьте будто вы
Мечтаете на отоманке.
Теперь вниманье и покой.
Лишь потерпите с полминуты...
Ага! — Струится пот рекой,
И в пене рот, и жилы вздуты.
Нет, нет — еще вы не мертвы.
Дышите. Так. Но, ради бога,
Не рвите маски с головы
Во избежание ожога!

Альми

РАССКАЗ О ШТАНАХ

ТОВАРИЩ, вы должны меня выслушать. Быть может, с точки зрения огромных политических проблем мой вопрос весьма ничтожен и не заслуживает особого внимания. Но я больше не могу...

Мой посетитель был еще молод. Но в глазах его, как дальний свет в глубоком туннеле, мерцал огонек страданий. Он был бледен, нервничал, говорил быстро-быстро, как бы пугаясь того, что его могут прервать:

— Не могу! Вы обязательно должны меня выслушать. Как говорил поэт: „Где горе слышится, где тяжко дышется, там..." Дальше не помню. Это, кажется, Некрасов сказал. А, может быть, Эмиль Золя. У меня все перепуталось. Я теперь могу смешать полное собрание сочинений Лермонтова с тульским самоваром, а загробную жизнь с яичницей. Но не в этом дело. Я не затем к вам пришел, чтоб беседовать о литературе. Поговорим лучше о штанах.

Да, о штанах. Я рос одиноко. Мать моя умерла, оставив меня четырехлетним мальчуганом. Я воспитывался у чужих людей, меня всяк мог обидеть: и человек, и зверь, и пташка. Дальше, кажется, сказано: „с ношей тащится букашка, за медком летит пчела". Но не в этом дело. Ни букашка, ни пчела не имеют никакого отношения к моим штанам.

Я рано начал жить самостоятельной жизнью. Еще усов у меня не было, а я уже был помощником счетовода. Я был всем доволен. Меня радовали „в поле каждая былинка, в небе каждая звезда". Это, кажется, из Тургенева? Нет? Ну, и не надо.

Я почти никогда не знал волнений. Разве когда живот болел. С животом, между нами говоря, у меня одно беспокойство. Единственная моя печаль. Как выразился один лирический поэт: „Одна ты несешься по ясной лазури, одна ты тревожишь ликующий день". Но не в этом дело. Не буду отнимать у вас времени. Я люблю говорить кратко и ясно.

Итак, о штанах. Я вам не буду описывать того, что я пережил во время февральской революции. Кстати, я никогда не шел за временным правительством, а о моих плохих отношениях к Керенскому знают все мои родные и знакомые. Умолчу также о том, как я отнесся к Октябрьскому перевороту — об этом подробно сказано во всех моих анкетах. Но об одном скажу, и это вы должны запомнить: я никогда не жил на даче. Вот тут-то я и подхожу к штанам.

Да, к штанам. Нельзя сказать, чтоб я не любил природу, но должен признаться — сильно ей не увлекался. „Шопот, робкое дыханье, трели соловья" — обходятся слишком дорого. Между прочим, обратите внимание, как удачно сказано у поэта: „шопот, р о б к о е дыханье..."

Но не в этом дело.

А в этом году шел я однажды по улице и у трамвайной остановки замечтался: „Чему я не сокол, чему не летаю?" Чем я хуже прочих и иных? Почему бы не пожить на лоне природы? Вот тут-то и начинается дело со штанами.

Итак, ближе к штанам. Приехал я на дачу. Должен предупредить вас на всякий случай, что я холостой. „Когда бы жизнь семейным кругом я ограничить захотел". Но я не захотел. Поселился один в малой комнатушке. Два окна — из одного прекрасный вид на соседнюю дачу, из другого—никакого вида, потому что оно заколочено досками. Кругом—хорошо и приятно. „Я пришел в этот мир, чтобы увидеть солнце и синий кругозор". И как только начало смеркаться, я лег спать, своевременно сняв штаны.

Я люблю вставать рано. Просыпаюсь в 5 часов утра. Что я делаю? Поворачиваюсь на другой бок и опять засыпаю. „На заре ты ее не буди на заре она сладко так спит". Так было и в то роковое утро. „Только утро любви хорошо"... Но это не имеет никакого отношения к моей истории. А история вот какая: просыпаюсь, посмотрел — эврика! Штанов нет. Нет штанов!

Я рос одиноко. Мать моя умерла, когда... Но я уже об этом говорил. Я рос, и вот, как видите, вырос. А в первый раз в моей жизни — такая оказия. Нет штанов! „Куда, куда вы удалились?..". Надел я трусы и вот этот плащ, который вы видите на мне, и побежал быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла, за пять верст от дачи, в милицию.

Пришел в милицию. Очень хорошо приняли. „Садитесь, я вам рад и можете держать себя свободно". Да как же держать себя свободно, когда, извините, без штанов? Рассказал я печальную повесть мою. Составили протокол и сказали, что могу уйти, а когда надо будет, меня вызовут.

Через два дня получаю повестку: просят срочно явиться в милицию. О, радость! О, счастье! Вот это — милиция! Вот — это красота! „У меня для тебя столько радостных слов и созвучий!.." Прихожу. — Где мои штаны? — Штаны неизвестно где,— отвечают. А вот надо знать: на каком этаже я живу. Я сказал, там записали. Я ушел.

Через три дня получаю повестку: срочно явиться в милицию. Что опять? „Я вам писала, чего же боле, могу еще я вам сказать?" Оказывается, что нужно знать мое социальное происхождение. Я сказал, ничего не скрыл. Записали. Я ушел.

Через три дня получаю повестку: срочно явиться в милицию. Может быть, отыскали штаны? Бегу. Прибежал. Оказывается, там даже забыли про мои штаны. Интересуются они другим: что я делал до февральской революции. Сказал. Записали. Ничего не сделали, отпустили.

Через три дня... Через четыре дня... Через пять дней... Я не люблю долго разговаривать. Вот уже два месяца, как мне жить не дают. „Дни за днями катятся..." И почти через каждые два-три дня вызывают меня в милицию. Я уже давно бросил эту проклятую дачу. Живу в городе. Но бегаю туда, за город, в милицию. „Что день грядущий мне готовит?". Что мне делать? Вот я сейчас опять бегу в милицию. Зачем, зачем я имел штаны?..

Он прервал вдруг свою речь и задумался. Быстро встал со стула. Полы его плаща распахнулись. Я увидел, что этот человек был в одних трусах.

— Почему вы не купите себе других штанов? Уже холодно становится.

— Да,— ответил он грустно — „Осень наступила, высохли цветы и глядят уныло..." Что? (Он вдруг закричал:) Штаны? Чтоб я теперь надел штаны? Спокойно не могу о них вспомнить!.. Нет, спасибо! Поносил штаны и — довольно. Пусть теперь другие носят...

Г. Рыклин

Рис. А. Радакова

Бюрократ лицом к деревне

(Сезонная драма в 4-х актах)

О постановке

В первом акте: хата к хате...
Пашни. Роща. Старый тракт...
Впрочем, знают в каждом Мхате,
Как поставить первый акт.

Во втором: уездно... пыльно...
Площадь. Мухи. Церковь. Жакт.
Впрочем, Малый очень стильно
Вам поставит этот акт.

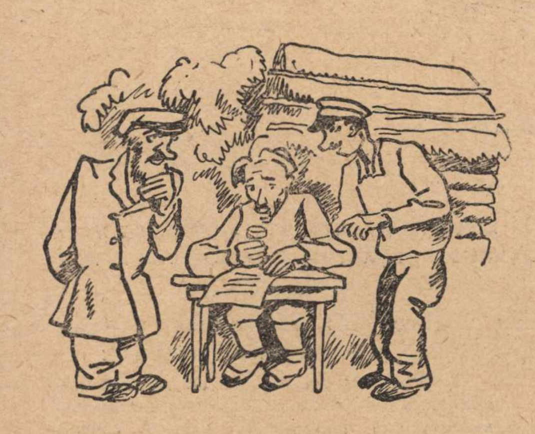
В третьем: город. Людно. Шумно.
„Обувь". „Бар". „Продажа польт".
Впрочем, здесь весьма заумно
Разберется Мейерхольд.

Акт четвертый. Здесь утончен
Европейский колорит...
Впрочем, этот акт не кончен —
Так над нами не горит!

Акт I. На селе

НА селе Кривые Луки
Чрезвычайный сельский сход:
— „Натерпелись, братцы, муки!"
— „Подымай, ребята, руки!"
— „Мы для этой, значит, штуки
Принимаем весь расход!"

— „Доводи до исполкома:
Дескать, общая беда!"
— „То-ись, нам без агронома
И никак и никуда!"

И на тумбе, возле клуни,
Секретарь Феофилакт
На печать пущает слюни
И скрепляет первый акт.

Акт II. В уезде

ОТ жары душа в истоме:
Тут бы квасу бы со льда!
Но в уездном исполкоме
Канцелярская страда.

— „Принимая во вниманье..."
— „После ряда неудач..."
— „Отмечая пониманье
Сельхозяйственных задач..."

Исполкомцам — нету мочи
Под убийственной жарой...
Не Мокшанск — а прямо Сочи!
И, сквозь сон таращa очи,

Кое-как бедняги к ночи
Составляют акт второй.

Акт III. В губернии

НУ-с, теперь в центральном штабе
Разобрать вопрос пора...
Та же песня в губмасштабе.
Губ-пылища. Губ-жара.

Губ-дебаты. Губ-увязка.
Здесь работают не зря:
— „О значимости участка
Запросить секретаря!"

— „Взять кривую недородов
За последние года!"
— „Уяснить размер доходов
От наемного труда!"

По соринке, по крупинке
К цифре цифра. К факту факт...
Через месяц на машинке
Отпечатан третий акт.

Акт IV В Москве

И, собрав все акты вместе,
Заостря и углубя . . . .
. . . .

Неожиданный протест зрителя

НО, увы! На этом месте
Зритель выйдет из себя:

— Ишь ведь! Как вас раскачало!
Добрались уж до столиц!
Вы бы дали нам сначала
Список действующих лиц!

Написали целый томик —
А не видно, в чем букет?
Кто здесь трагик? Кто здесь комик?
Кто здесь главная кокет?

Резонная отповедь автора

АВТОР просит быть скромнее
Уважаемый партер:
В романтичной ахинее,
Может-быть, всего главнее
Ки-про-ко и адюльтер.

Но в теперешней программе
Мы бежим от небылиц:
В том и драма здесь, что в драме
Нету действующих лиц.

Мы берем вопрос в границах,
Небывалых до сих пор:
Здесь в бездействующих лицах
Драматический упор!

А. д'Актиль

„ГРЯЗНАЯ“ КЛЕВЕТА

Рис. Б. Малаховского

С крымских курортов возвращается первая партия германских рабочих. Все они отлично выглядят и с восторгом отзываются о советских санаториях.

Из газет

— Ну, как живут русские рабочие? В грязи по горло купаются?

— Да!.. А другие — по пояс, — как доктора назначут.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Всякий знает цену охотничьим рассказам.

В № 12—13 „Охотничьей Газеты“ некий С. Павлов в рассказе „На стальной птице“ пишет:

... Мотор гудит — самолет плавно плывет в спокойном воздухе над ледниками и бездонными ущельями. Но вот что-то чернеет на горизонте — самолеты?.. Нет... их здесь нет... наверное, птицы. Прибавляю газу. Точки растут с каждой минутой... Это два орла высматривают добычу. Птицы с явным намерением приближаются ко мне. Вот они уже совсем рядом, эти повелители гор.

— Уж не думают ли они напасть на меня, мелькает у меня в голове. Заряжаю пулемет и т. д.

Не довольствуясь этой чрезвычайно эффектной картиной, С. Павлов повествует дальше:

Но вот перевал окончен, горы мало-по-малу уступают место долинам. Опять встреча — летят старые знакомые по охоте — гуси. Бензина еще много, аэродром уже подо мною, и я, резко меняя направление, перерезаю им путь.

Конечно, орел это утка.

Гуси — тоже утка.

И хочется думать, что „стальная птица“, на которой летал Павлов, — тоже утка!

*

Из только что вышедшей книжки Веры Инбер „Бывают исключения“:

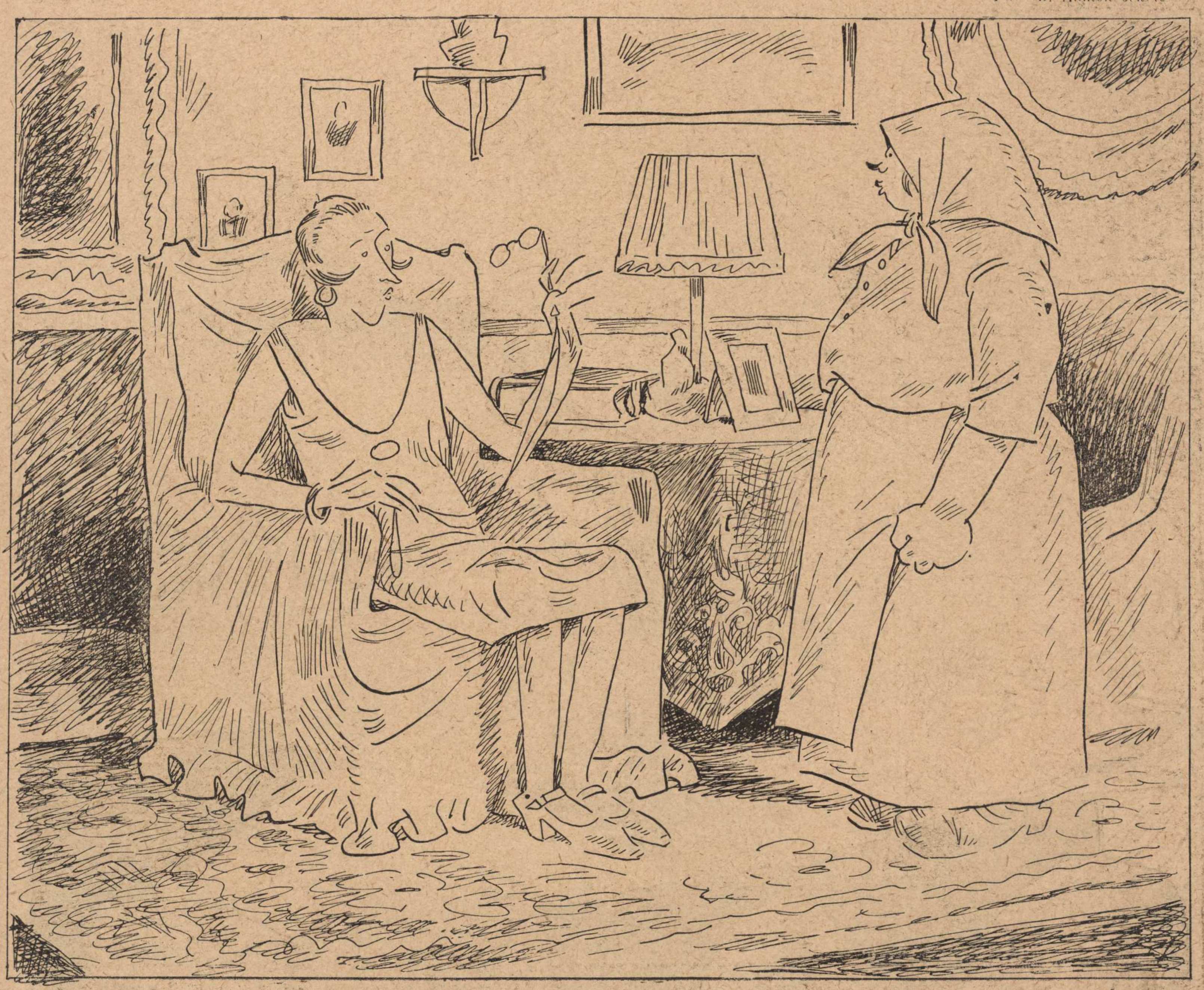
Перед ним на ковре за маленьким арабским столиком сидел хозяин камина, выдерживая шахматный натиск своего племянника и запивая его черным кофе.

Правда, книжка носит название „Бывают исключения“.

Все-же нам кажется, что таких исключений, когда дядя, проглотив собственного племянника, спокойно запивает этого племянника черным кофе, — не бывает!

ВЕРХ ЗАБЫВЧИВОСТИ

Рис. Б. Антоновского

— Двадцать пять рублей в месяц? А скажите, кормилица, у вас какое молоко: Маслоцентра или Крестьянского союза?

ТРИ ПРОБЛЕМЫ

1.

Платон Кузьмич Размахов-Беспредельный
Был крупный спец по заготовке кож.
Платон Кузьмич слыл чрезвычайно дельным
И к замнаркому запросто был вхож.
Нося портфель, как некую эмблему,
Он вечно был под бременем забот.
Бюрократизма острую проблему
Платон Кузьмич решал девятый год.

2.

Начканц главкожи Клим Сергеич Птичкин
Всегда хранил особый блеск в глазах,
Он знал отлично завовы привычки
И свято чтил Размаховский размах.
Он был готов всегда расти, как тесто,
Не признавая узких рамок смет.
Начканц Главкожи — принцип роста треста
В душе лелеял пять жестоких лет.

3.

У Эрны Стэк — девицы из балета —
Был алый рот и пара стройных ног,
И Эрна Стэк, надеждою согрета,
Из этих благ решила выжать прок.
Лишившись места в кабарэ „Булавки"
И потеряв проверенную цель,
Девица Стэк проблему „твердой ставки"
Решала жадно целых шесть недель.

4.

И, как-то раз, с письмом из Воблотреста,
Спустивши шелк с изящного плеча,
Девица Стэк какого-нибудь места
Пришла просить Платона Кузьмича.
Девица Стэк была стройна, как хлыстик.
На вид ей было — восемнадцать лет.
И Клим Сергеич задрожал, как листик,
И побежал с докладом в кабинет.

5.

Зав и Начканц мгновенье были немы,
„Неясных дум и трепета полны",
А через миг все трудные проблемы
В стенах Главкожи были решены:
Бюрократичных нравов бородавки
Платон Кузьмич свести на-нет был рад.
Девица Стэк добилась **твердой ставки,**
А Клим Сергеич **увеличил штат.**

. . . .

И только зря мусоля ту же тему,
Рабкор „Перо" девятый год под ряд
Решал, кряхтя, четвертую проблему:
Как нам создать хороший аппарат.

Юрий Фидлер

ЕЩЕ ОДНО ИСПЫТАНИЕ

Рис. М. Черемных

ИСПЫТАНИЕ АВТОМОБИЛЕЙ НА ЭКОНОМИЧНОСТЬ

(Финиш — в РКИ)

ПУТЬ К БЛАЖЕНСТВУ

Муллы в Намангане пытаются использовать землетрясение для агитации в пользу восстановления обычая ношения женщинами паранджей (покрывал).

Из газет

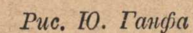

Рис. Ю. Ганфа

— Смотрите, женщины! Разве не содрогается сердце ваше?.. Но благочестивые мусульманки в паранджах не видят этого,— и сердце их спокойно.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

В студенческие общежития допускаются только холостые студенты.
Из газет

Рис. Ив. Малютина

ОН: — Я твой до гроба, Катя!
ОНА: — Ну, уж и до гроба! Просто — до первой свободной комнаты в общежитии.

РЕМОНТ

I.

Кредит из Горбанка на ремонт дома получили скоро. В дальнейшем началась волокита.

Домуправ подошел к вопросу экономически:

— Весна, ясно — ремонт! Все учреждения строительный материал закупают. Цемент — дорог, кирпич дорог, о железе кровельном говорить нечего. Что ж, товарищи, втридорога то переплачивать! Переждем, пока спадет горячка!.. Над нами не каплет.

— Каплет...— заявили жильцы сверху.— В дождик даже до отчаянности льет!

— А вы тазик подставляйте!—посоветовал домуправ.— Святое дело тазик. Подставил и хоть бы хны!..

II.

Летом мышление домуправа приняло уклон сельскохозяйственный:

— Можно ли, товарищи, ремонтировать при недохватке рабочих рук?.. Летнее дело — страда!.. Тут тебе и косить, и возить... Все строители по домам разбежались... Вот управятся с работой, тогда другое дело. Подождете, не тресните!..

Да треснули уж!.. — загомонили жилтоварищи. — Все как есть перелопались!..

— Это трубы, что ли, канализационные? Так, товарищи, теперь лето!.. Кругом свободно... На худой конец, до бульварчика добежать не велик труд!..

III.

Осенью домуправ рассматривал вопрос с точки зрения климата:

— Какой же, товарищи, ремонт, если осень!.. Каждый день дождик и всеобщая слякоть... Не ремонт — сырость одна!.. Вот ударит морозец, подсушит, тогда дело иное!.. Подождем, не к смерти грех...

— Как грех?... — завозились жилтоварищи.— Какой такой грех?... Чего ж смотрела ревизионная комиссия?!..

IV.

К зиме жилтоварищи, с ревизионной комиссией во главе, удосужились обследовать состояние дома и кассы.

— Допустим, это худая крыша...— сказали они.— Допустим, это испорченная канализация и водопровод... А где же деньги, что взяли на ремонт дома?..

М. Андр.

КСТАТИ О СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЯХ

— Вчера вода выступила из берегов.
— С чем? С докладом?

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

— Напрасно вы уклоняетесь от налогов. Вы так далеко не уедете.
— В том-то и дело, что уеду далеко.

ДЛЯ ДУШИ

— Что в вашем клубе лучше всего идет: живая газета или спектакль драмкружка?
— Лучше всего идет пиво.

ЗАГАДКА

Когда рабочие бывают в театре?

Ответ: Когда они его ремонтируют.

К СЕЗОНЧИКУ

— Строительный сезон кончается. Скоро начнется грибной сезон.
— ?
— В новых домах грибки заведутся.

ЭСТЕТ

— Н-да!.. Тоже показательный суд называется, а преступник-то какой замухрышка! Не могли повидовее выбрать!

ПОЛ НЕ ВЫДЕРЖАЛ

Большинство наших школ все еще помещаются в ветхих и полуразрушенных зданиях.

Из газет

Рис. Н. Радлова

Половина класса провалилась на экзамене...

„РЕКВИЕМ"

За окошком была непогода и ночь, а в комнате—уютно и тихо.

Моя верная, старая, зеленая лампа,—подруга бессонных рабочих ночей, — освещала любовно и мягко высокую стену из книг.

А мой гость, краснолицый и сытый, в толстом клетчатом френче, в штанах пузырем и в пунцовых прыщах на бычачьем загривке, развалившись на креслах, презрительно щурил заплывшие глазки на книжные полки и делал мне выговор.

— Стыдно, батенька-с, в наши дни Робинзонов читать... Читать надо газеты-с! Суд и хронику - с!

— Но, позвольте, — устало сказал я, не в силах ее переспорить, — ведь классически - приключенческая книга, — нет, нет, не Месс-Менд,—вносила романтику в юность, пробуждала в нас лучшие чувства, отвагу, пытливость... Учила нас многому... И герои ее до сих пор еще живы...

— Юрун - да-с! Ну какие у них там герои? Где они?

— Хорошо!—сказал я, обозлясь,—так смотрите же!

* * *

В полусумраке тихой комнаты вдруг повеяло морским ветром. Волна странного холода ударила в лицо, и на пестрой стене переплетов, мерцающих тусклым золотом, обозначилась смутная тень. И высокий, и хмурый, весь в мехах, с суровым лицом и стальными глазами, вдруг предстал перед нами знаменитый и смелый —

Капитан Гаттерас.

— Я, — сказал он, дохнув на нас льдами, — потеряв свой корабль, схоронив экипаж, обмороженный, полумертвый от муки и голода, бесконечно и гордо боролся один с полярной зимою у порога заветного полюса...

— Х - хи! — ответил смешливо мой гость. — Х-ха! Да у нас, в 19, отопление в доме лопнуло, а дров не было ни ку-ку. Так мы цельную зиму в ванной в шубах купались. Вот это, действительно,—холодок-с... А то, по-лю-ус!

Тень отважного капитана померкла и скрылась, а на смену ей вырос кто-то с орлиным лицом, в пестрых перьях убора и замер, скрестив на груди шоколадные руки в тяжелых браслетах.

— Я—вождь племени Сиукс,—певучегортанно произнес он,—я предводитель апахов, команчей и многих индейских племен. Я долгие годы боролся, как лев, с белыми пришельцами и погиб за свободу народа и просторы родимых степей...

— Из-ви-ня-аюся-а—прищурился мой гость, — как вы сказали?—Сиу и К°? То-то вижу я масть у вас щиколадная и повадки хозяйские... Значить, вы фабрика-ант? А где ж вы в 18 прохлаждалися? У Деникина, чай?

Смуглый призрак обжег его взглядом, вздохнул и погас в полутьме.

— Я — Стэнли,—угасающим голосом прошептал исхудалый, измученный человек, с окровавленными босыми ногами и с заржавевшим кольтом на кожаном поясе.—Я отдал всю жизнь науке. И погиб на посту, от тропической лихорадки, заблудившись в раскаленных и жутких дебрях таинственной Африки, у преддверия далекого Конго, не добравшись до тайны могучего озера Чад...

— Ну, это, братишка, я верю! — снисходительно согласился гость,—ежли в дебрях,—то факт. Но, однако, что же там Африка? А вот вы в наши дебри попадите-ка! Да к замзаву пробраться попробуйте... Или справочку раздобыть...

— Мы — верные дети отважного моряка!—звонко представились две стройных, юных фигурки,—мы об'ехали весь земной шар, в поисках капитана Гранта, любимого нами отца.

— Ал-лиментщики-и?—взревел гость, в панике подбирая толстенные ноги... — Бу-дя!..

Наконец, глухо брякнули латы, и с порохом старых костей, молча вырос у кресла пятый призрак,—высочайший и странный, с колючими нитями редких усов и с безумным огнем в глазах.

— Я — рыцарь Кастилии, дворянин Дон-Кихот из Ламанча — глухо вымолвил он.— Я защитник обиженных и несчастных. Злой волшебник похитил мою Дульцинею, но я поборол его в бою и...

— Шьто-ссс? — прервал старого безумца мой критик, — дво - ря-ни-ин!?! В таком разе — пардон! Я, как член базарного комитета и друг радио, — с эмиграцией врозь. А ни-ни!

И когда с тихим стоном, от лопнувшей будто струны, растаял обиженный призрак,—краснолицый, качаясь от жирного смеха, крикнул вслед ему:

— Тоже! Выдумал: дво-ря-нин! Похищение!! Да у нас кассир Петя зимой двадцать тысяч слизнул, —вот это—волшебник-с! Га-га-га-а-а!.. Га-га-а-ааа!..

— Молчи!!!—гаркнул я, задыхаясь от боли и гнева и, что силы, хватил по жирнеющей тупой голове.

— Дррыны!—раздалось по комнате, и свет тотчас погас.

* * *

Боль в руке отрезвила меня. Вокруг было и тихо и пусто. В моем кресле никто не сидел.

Леонид Саянский

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

СТО установил этикетные цены на галоши: мужские и женские 3 р. 60 к., мальчиковые 2 р. 95 к., девичьи 2 р. 30 к. и детские 2 руб.

Рис. Б. Антоновского

— Вам женские галоши?

— Нет! Что вы?!.. Девичьи! Но только побольше... Можно за три рубля шестьдесят копеек!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Ставропольские антирелигиозники

В ставропольской газете „Власть Советов" читаем:

> Ставропольский Городской Совет настоящим об'являет, что „часовня", находящаяся в г. Ставрополе, на площади Луначарского (Верхний базар), может быть передана, в случае подачи о том заявления в течение недельного срока со дня опубликования настоящего об'явления, в бесплатное и бессрочное пользование верующих по договору с Городским Советом, при условии производства верующими капитального ремонта означенной часовни.

Странно, что рядом с этим об'явлением газета не поместила об'явления о том, что для часовни требуется поп с дореволюционным стажем, имеющий рекомендации с последнего места и т. д.

Если так будет продолжаться дальше,—ставропольский горсовет „ин корпоре" заберется на местную колокольню и будет звонить во все колокола, сзывая к заутрене набожных старичков и старушек...

„На всякий пожарный случай"

Самарская газета „Коммуна" (№ 47) своеобразно информирует своих читателей:

> Пожарный инвентарь в большом выборе получен из Москвы управлением губернской инспекции ком. хоз. 348 — кори, 101— скарлатины, 19— дифтерита...

Почему это корь, скарлатина и дифтерит попали в „пожарный инвентарь"?

Не потому ли, что корректора самарской газеты, читая корректуру, спешат, как на пожар?

На все башка требуется

Большой спрос на башку! То и дело мы натыкаемся на такие факты, на такие явления, по поводу которых мы невольно восклицаем:

— Товарищи! Где же ваши головы?!

— Тут! — отвечают эти товарищи, указывая на свои шапки.

Но практика показала, что не всегда под шапкой бывает голова. И даже увеличение производства шапок не обеспечит нас в этом отношении.

Ведь на все башка требуется. Возьмем, к примеру, такое обычное занятие, как еда. Надо все-таки знать, как есть. Вот перед нами яркий пример:

> На мельнице Далькрайсоюза в Хабаровске протухло более 100 тыс. пудов зерна. По распоряжению зава, это зерно примешивалось к хорошему зерну и в таком виде пускалось на рынок.

— Как же есть такой хлеб? — спрашивают зава.

— На все башка требуется, — отвечает он. — Хлеб ведь только на половину тухлый. А вторая половина ведь хорошая. Купил булку — начни кушать со второй половины, с хорошей.

Смеха полный рот!

Весьма своеобразно „обороняется" поселок Вырица (Ленинградск. губ.) от внешнего врага. В „неделю обороны" там была расклеена такого рода афиша:

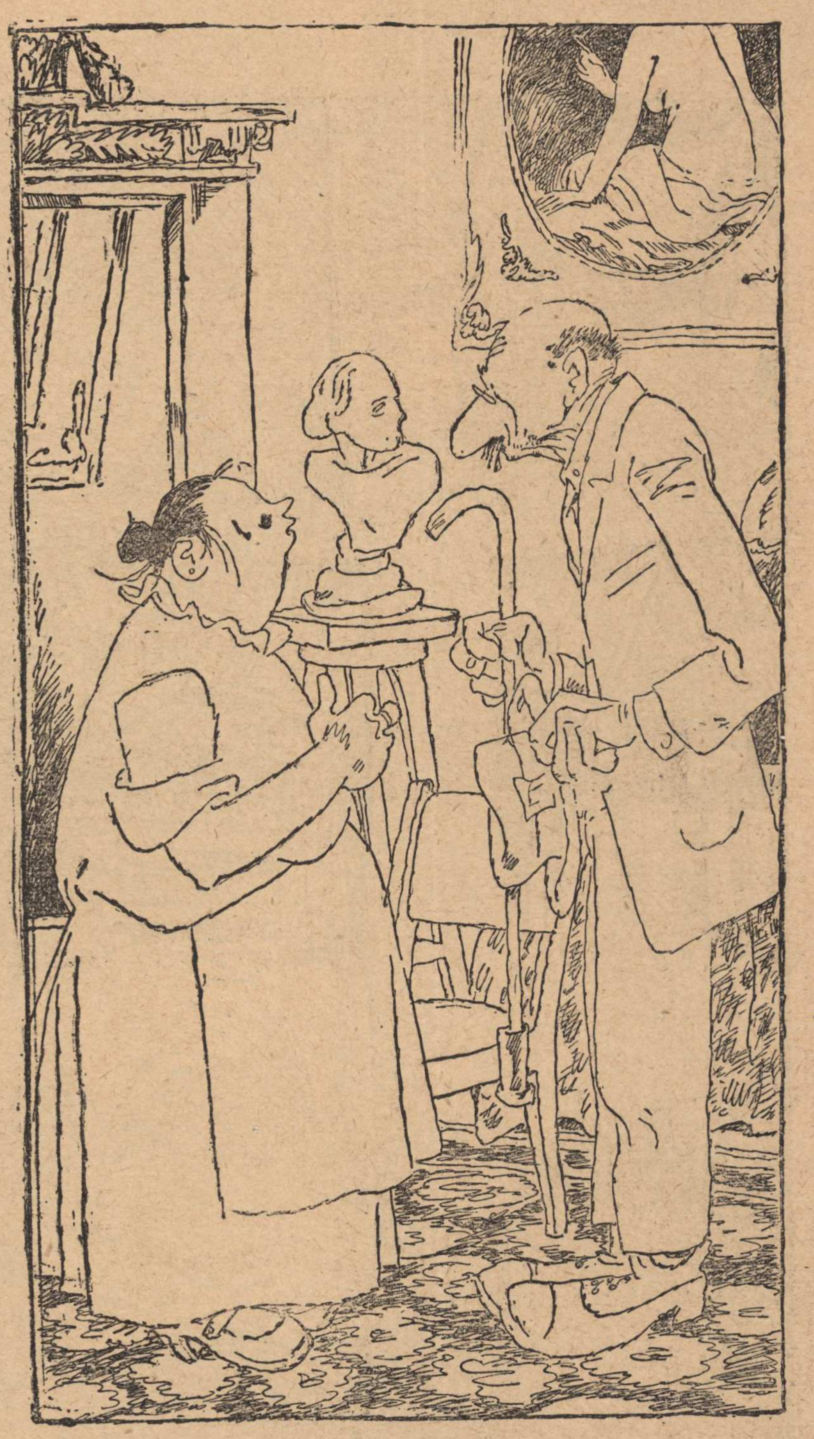
> От культкомиссии пос. Вырица
> НЕБЫВАЛЫЙ ВЕЧЕР
> Будет представлен спектакль. Комедия
> **„МУЖ В БЕГАХ"**
> **СМЕХА ПОЛНЫЙ РОТ!**
> Участвуют комсомольцы
> А после танцы—под духовой оркестр! До самого утра!!!
> Серпантин, конфетти... Летучая почта. С поцелуями
> Буфет и проч.

Танцовали кадриль и лихом поминали злодея Чемберлена. Целовались и ругали генерала Фоша. Пили и, икая, кляли Пилсудского. Всем попало. Действительно, смеха полный рот!

А вот мы не смеемся...

БУДЬТЕ ПОКОЙНЫ!

Рис. Б. Антоновского

ГРАЖДАНИН, СНИМАЮЩИЙ КОМНАТУ: — А у вас тут тихо?

ХОЗЯЙКА: — Будьте покойны. Тишина образцовая: справа клуб и слева клуб.

ДЕМИ-СЕЗОН

Рис. Б. Антоновского

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ, РВАЧИ УЛЕТЕЛИ...

Издатель—„ГУДОК". Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

Главлит № 96.960. Отп. в 7-й типографи „Искра Революции" Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.